

An oil painting of a young man with brown, wavy hair, wearing a tan jacket over a graphic t-shirt and blue jeans. He is sitting on a bed with a patterned blanket and a large orange pillow, looking out a large multi-paned window. The room is filled with books on shelves to the left and various plants on the windowsill. Sunlight streams in from the window, creating a warm, dappled light effect. The overall style is soft and painterly.

George Boul

Сочинение

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Курков

Сочинение

<https://litres.ru/74289384>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это роман, действие которого происходит в одной квартире в разные промежутки времени. Это история о молодом парне-студенте, который ищет смысл собственного существования и вдохновение в необычных вещах. Он не ищет какого-нибудь статуса или чего-то подобного, он предпочитает блокировать негативные воспоминания, оставленные когда-то собственными родителями и проводить время с наркоманами, постепенно погружаясь в пучину забытья, которая постепенно его начинает поглощать...

Содержание

11:05.	4
12:45.	10
13:30.	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Николай Курков

Сочинение

11:05.

- Сынок, пока, вернемся дня через три! - воскликнула мать и захлопнула дверь.

Дверь на столько сильно хлопнула, что хлопок разбудил меня. Ну, если она сказала «вернемся», значит и отца с собой припахала, ну а как же отказать ей, властной женщине, владеющей прелестным даром управления людьми. А куда они? Хотя какая разница, вот делать людям нечего, как мотаться куда-нибудь, сидели бы на жопе ровно и все, бездействие - тоже действие. Еще разбудили, твари или нет? Щас полежим минут пять и встаем... а может и не полежим – поспим, это уж точно...

Они сидели за столом, вся семья, причем пока полная, как в бланке «Какая у вас семья», а ты должен выбирать «полная» или «не полная», с одной стороны совесть готова сказать «не полная», но, чтобы никому не давать малейший повод издеваться над тобой, ты обводишь «полная».

Отец беспристрастно смотрел на лужицу чая, который только что пролил на клетчатую скатерть, купленную и подаренную всеми любимой тещей на пятилетнюю годовщину их

свадьбы. Он помешивал этот чай, да так, что удары ложки о дно полной кружки бесило всех присутствующих за столом.

Эта кружка... «Лучший папа всех времен», она так бесила мальчика, что при каждом взгляде на нее он хотел разбить ее. Он хотел разбить ее, а осколки подложить под желтый шерстяной коврик, который лежал в ванной, рядом с белоснежным унитазом, недавно купленным и замененным. Он желал, чтобы его «Лучший папа всех времен», ночью, идя в туалет по своей ночной нужде наступил на этот коврик и осколки впились в его босые ступни, а потом с грохотом упал на кафельный пол, разбив себе голову или проломив череп об рядом стоящую раковину.

Как бы это не смущало и не пугало, но это желание промелькивало лишь иногда в таком юном возрасте, что, наверное, свойственно для такого возраста, когда обижаешься на родителей, а в дальнейшем – на свою детскую беспомощность, которая выражалась в маленьком росте или непонимании некоторых вещей.

На ужин в тот день была рыба, пригоревшая и местами пересоленная, как будто выловили и сразу кинули на сковородку, чтобы помучилась. Рыбу мальчик не любил и даже ненавидел, когда мать его не прислушивается к его интересам и ненавистным блюдам. Мальчик ел, поданную матерью, рыбу. Он давился ей, но старался это никак не проявлять, ребенок чувствовал, что привкус рыбы какой-то странный. От рыбы несло тухлятиной, несмотря на то, что она была за-

печена в духовке с маринадами и специями.

Мальчик не сдержался, он отпросился у матери в туалет, и она покачала головой в знак согласия. Он тут же вырвался из-за стола и побежал к туалету, а вернее к унитазу.

Прибежав в туалет, он закрыл дверь на защелку и повернувшись к двери спиной он сделал пару шагов в направлении унитаза. Подняв стульчак, он преклонил колени, но его роста не хватило, чтобы его нормально вырвало, тогда мальчик оперся ребрами на ободок унитаза из санитарного фаянса и начал языком пытаться спровоцировать свой «язычок», для дальнейшего рвотного рефлекса. Он мучился и думал о том, как объяснить это матери и о том, как долго он уже сидит в ванной комнате. Для быстрого освобождения стухшей рыбы он засунул средний и указательный пальцы в рот и начал трогать «язычок». Это действие быстро сработало, и тошнота оказалась там, где мальчик и задумывал ее оставить. Смыв за собой, он отпер замок и выключил свет в ванной. Дойдя до кухни, где до сих пор продолжался ненавистный ребенком ужин, он сел на свое место, за кухонный овальный стол.

Мать спросила свое чадо: «Ты блевал?», но мальчик молча смотрел в круглую тарелку на которой оставался лежать недоеденный кусок рыбы. Мать повторила вопрос, но ребенок также молчал. Она отодвинула тарелку от сына и спросила: «Ты глухой?». На глазах у мальчика наворачивались слезы, ведь он понимал, что будет дальше.

Мама отодвинула стул, сделанный из алюминия, с дере-

вянным сиденьем и плетеной подушкой на ней, от стола и взяла тарелку сына с недоеденными ошметками части рыбьей туши и свою тарелку, в которой находилась картошка с куриной грудкой, которую она приготовила менее четверти часа назад. Открыв шкафчик, который находился рядом с раковиной, в глубине которого находилось мусорное ведро, она опрокинула все содержимое этой тарелки. Свою же тарелку она поставила на столешницу, которая находилась на этом шкафчике, и ушла в глубину квартиры.

Вернулась она через пару минут с отцовским ремнем и снова села за стол. Вдохнув она задала вопрос: «Когда, ты вышел из-за этого стола и пошел в туалет, то ты там опорожнял свой маленький желудок от моей рыбы?». Мальчик уже начинал всхлипывать и не мог говорить. Он утвердительно покачал головой. Она нахмурила брови и посмотрела на сына, сказав при этом: «Я не расслышала твой ответ, маленький гаденыш». Ребенок дрожащим голосом утвердительно ответил ей, одновременно с этим нервно кивая.

Она взяла его за волосы и ударила сына об стол. Удар повторился, потом еще, еще, еще удар и еще. Мальчик чувствовал, как от захлебывается своими соплями и слюнями, он чувствовал эту боль и не в силах усидеть, с грохотом упал со стула и пополз в гостиную.

Его громкий детский рев и горячие слезы, которые текли по его щекам в таком юном возрасте. Он ползал по ковру от нее, от родного «чрева», которая дала ему жизнь, кото-

рая выносила его. Мать шла за ним. Она заносила ремень, жесткий, кожаный, с металлической бляхой сантиметров в пять длиной и весом почти двести граммов, все выше ее собственной головы перед каждым ударом. Удары бляхи по детскому телу оставляли синяки и гематомы.

Те удары, которые остались в виде шрамов по сей день на теле уже подросткового и возмужавшего мужчины.

Детские всхлипы и крики при каждом ударе, наверное, слышали соседи, да что соседи, отец их слышал, но ничего не делал и, наверное, не собирался. Он сам беззащитно смотрел на это сидя за столом и попивая чай. Эта беспомощность, но потаенно скрываемый им огонек злобы и насилия, который разгорался при каждом всхлипе и ударе. Тряпка... а может ему нравилось насилие, и безучастность в нем. Это пробуждало в нем дикую звериную сущность, сущность бездейственного наблюдателя со стороны, ведь ему это по правде нравилось, ощущение пробуждало в нем зрителя, как при просмотре бокса, зрителя, сидящего на трибуне и болеющего за любимого игрока на которого он поставил приличные деньги. Тут он по крайней мере знал на кого ставить, уж точно не на пятилетнего ребенка.

Когда мать ударила его, то ребенок схватил ремень и крикнул на мать: «Не дам! Перестань, прошу, перестань!». Тогда мать оперлась тапочкой в ребра своего родного сына и начала тянуть ремень на себя, но ребенок не уступал, он держал ремень, как будто это единое целое с ним и этот ре-

мень сросся с его руками. Она отпустила ремень и начала бить своего сына кулаками...

12:45.

Я в испуге проснулся. Кровать и сам матрас были пропитаны потом от приснившегося мне сна. Пот начал уже испаряться, превращая наматрасник и простыню в ледяную промокшую тряпку, на которой я еще долго, по ощущениям, пролежал прежде чем проснуться.

- Может встать пора? Хотя... - протяжным голосом сказал я себе, потом дополнил. – Всё-таки надо встать, умыться там и всё такое...

Открыв глаза и уставив взгляд в белый потолок, с неровностями в виде кратеров и бугорков от неровной побелки, мое тело начало движение с того, что передвинулось на сухую сторону простыни и, уже не произвольно, глаза снова закрылись, оставив меня снова в темноте.

На этот раз воспоминания отступили, не ввергая меня в ту пучину страха и бессилия. Свернувшись в позу эмбриона, точно так же, как сейчас где-нибудь по близости лежит какой-нибудь младенец в чреве своей матери, так беззаботно и так непринужденно, одновременно ничего не осознавая.

От этой мысли я расплылся в улыбке и начал медленно засыпать, но это медленно начало длиться так долго, как будто бесконечно, что это начинало мне надоедать. У меня складывалось такое чувство, что я не мог заснуть и не смогу больше никогда, но такое случалось со мной и раньше.

Иногда мозг подкидывает те воспоминания, которые ты усердно хочешь забыть и уверяешь себя в этом очень многие годы. Ты начинаешь блокировать их, потому что они плохие и переступают ограничения «очень плохо» и «такое не приемлемо». Дело уходит из-под твоего контроля тогда, когда ты начинаешь изменять свои воспоминания и это помогает защитить себя, но это не на долго. Броня забывчивости постепенно стирается или даже трескается, как стекло и то «плохое» освобождается из тех глубин в которых ты их заточил. Эти воспоминания постепенно проникают в твои сны и мысли, тем самым лишая тебя спокойного существования.

Я лежал и не мог уснуть, то ворочался в одну сторону, то в другую сторону, никак не мог найти себе места. Потихоньку мокрая от пота простыня при соприкосновении со мной начала прилипать к телу, что не давало мне уснуть в двойне. Я начал бороться с толщами ткани, но вскоре начал терять терпение и сдаваться против борьбы с одеялом и простыней.

Укутавшись так чтобы, я мог хоть как-то дышать и не задыхаться, а также содрал с матраса всю наволочку, которая прилипла ко мне и не собиралась отлипнуть ни на секунду, мое тело наконец смирилось.

Я лежал обмотанный в теплое одеяло, которое тоже начало прилипать ко мне, также, как и простыня, которая одновременно с одеялом начала срастаться вместе, образуя одно, неразрывное, целое.

Мне показалось это не ловушкой, а тем самым забыва-

емым местом - коконом, в котором можно спрятаться, как в детстве, и никуда не выходить, не смотря ни на те беды и опасности, которые угрожают тебе. Этот кокон, который окутывал меня, стал для меня собственным тесным мирком, личным созвездием или галактикой, без каких-либо мыслей других людей, но в котором есть я и в котором уходят мои беспокойства и страхи.

13:30.

- Ну теперь точно пора вставать, дел дохренища и еще это сочинение ебучее писать надо, а через пару дней сдавать, - сонным голосом, но громко и быстро я это произнес. А потом добавил, говоря уже в пустоту, окружающую меня в комнате, - Сроки горят, сроки...

Я начал выпутываться из своего шелково-полиэстерового кокона, сплетенного не мной, а каким-нибудь фабричным станком, потер костяшками кулаков глаза и, спустив ноги на паркет, встал с кровати.

Сочинением, я по давней школьной привычке начал называть эссе, которое изредка давали написать, на дом.

Шатаясь, в полусонном бреду я поднялся с постели, так как с утра очень тяжел на подъёме. Мысли, пролетавшие во мне во время сна, которые будоражили сознание снова и снова, наконец успокоились и покинули меня. Наконец, мое тело поперлось в дальнюю комнату квартиры, именуемую сииими обладателями этой квартиры – ванная комната. Глядя на себя в зеркало, которое находилось над раковиной и занимало половину стены, я увидел какую-то «размазанную кашу» вместо лица, которая с утра, не то что встать с кровати, а даже собраться с мыслями не может.

- Сука, мозги в кучку собери, проснись, красавица проснись!

Самостимулирование, как обычно, не работает. Спасибо книгам великих психолого-лжецов, которые чудесным образом оказывались на моей полке.

Открыв кран с холодной водой и поднеся руки под воду, так как это в некоторой мере меня будоражило и бодрило. Пальцы, как на зло, продержавшись под холодной водой менее пяти минут переставали слушаться и я, не в силах как-либо разморозить свои фаланги, умылся. Было так холодно, что у меня щеки онемели. Дальше, уже не мотивированный, от слова совсем, с отмороженными щеками и руками, я пошел туда же откуда и ушел. Сев за стол и открыв тетрадь, я не до конца проснувшийся, начал смотреть, причем так пристально смотреть, что просмотрел минут пять на исписанный титульный лист на котором красовалась какая-то давнишняя письменная работа.

- Ну и? Что прикажете писать?

На пятнадцатом по счету листу тетрадки в линейку было размашистым подчерком написана тема сочинения.

- И тема еще уебищная. Ну бля, заебись!

Какой-то сарказм я заметил в своей речи, ну, а как в принципе не заметить, если с людьми только так я и общался всю свою прожитую на белом свете жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.